

КАРВАН

коллекция историй

Кто погубил
Валерия
Ободзинского
Версия жены

«Гундарева решила:
«Я сейчас не хочу
ребенка», — это принесло
нам боль и страдания»

Воспоминания
Леонида Хейфеца

Екатерина Лиела

о сложных отношениях
в семье Мариса Лиелы
и невозможности
жизни с Андрисом

Ольга Будина:

«Забирая украшения, бывший
муж сказал: «Это не подарки,
а вложение денег»

ОЛЬГА БУДИНА

ТЕОРИЯ ЛЮБВИ

Муж меня любил. Но у всех любовь разная. Признать, что жена и сын тоже имеют право наслаждаться жизнью, он оказался не в состоянии.

ФОТО М. ПИЛИНСКОГО / ЛЕНА

В фильме Глеба Панфилова «Романовы. Венценосная семья» я играла княжну Анастасию

чиваю я. Так же как и все наши путешествия и вообще все, что у нас сейчас есть. Я никому ничего не должна. И могу сказать — это очень приятное чувство, осознавать, что ты такая «крутышка».

Конечно, можно было отчаяться, спиться, растолстеть, махнуть на себя рукой. Но как-то это непродуктивно. И потому у меня супернасыщенная жизнь, даже перенасыщенная работой и обязанностями.

В последнее время вкалываю по семнадцать часов в сутки, чтобы успеть записать выпуск программы «О самом главном», которую веду на канале «Россия», сыграть свой любимый спектакль «Рецепт семейного счастья» по рассказам Чехова, провести благотворительные акции и позаниматься с сыном. Недавно отшумела премьера моего моноспектакля «Ромео и Джульетта» в сопровождении Академического симфонического оркестра с музыкой Прокофьева, а впереди съемки очередного сезона «Земского доктора» и еще одна большая премьера на канале «Россия». Совсем скоро на экран выйдет четырехсерийный фильм о взаимоотношениях Маргариты Коненковой, жены великого советского скульптора Сергея Коненкова, и Альберта Эйнштейна. Его рабочее на-

могает ли муж, а с кем сейчас роман, а почему нет ни с кем романа? Уже тошнит от всех этих допросов, которые продолжают на протяжении последних восьми лет. Да, бывший муж никогда не помогал нам и даже не звонил. Да, всем, что есть теперь в моей жизни, я обязана самой себе. Деньги на машину и квартиру заработала сама. И Британскую международную школу «Атлантик» при Кембриджском университете, в которой учится мой восьмилетний сын Наум, тоже опла-

Блестящий черный автомобиль с потолком цвета незабудки плавно преодолел вираж и понесся дальше. Я обожаю водить машину под звуки моего любимого Relax FM: его музыка поднимает настроение, успокаивает и не мешает с самой собой обсуждать волнующие темы.

Меня давно раздражает бесконечное любопытство прессы по поводу моей личной жизни: как разводилась, почему развелась, как живет теперь матери-одиночке и по-

звание — «Эйнштейн. Теория любви».

Сейчас весна, и любовное настроение просто витает в воздухе. Но это в теории. На практике все по-другому. Уже очень давно я не была влюблена, но если не брать во внимание сильную усталость, то в целом я вполне счастливый человек. Ну или сама себя в

женой! Буду мастерски рожать и воспитывать детей, талантливо варить каши и гениально выращивать цветы! Сейчас мне неприятно вспоминать о прошлой семейной жизни, к счастью, довольно короткой. Скажу лишь, что мы с мужем с самого начала «не монтировались». Зачем же тогда поставила штамп в паспорте? В этом

вопросе огромную роль сыграла моя мама.

— Доченька, ты должна хотя бы один раз сходить замуж, — наставляла она. — Понимаешь, к замужней женщине совсем другое отношение, не такое, как к девчонке. Замужняя женщина смотрится солиднее и вызывает больше уважения.

Панфилов мог быть очень жестким и говорить обидные вещи, но проявления истерики, злости, скандальности — это не про него

этом убеждаю, ведь не бывает полного счастья в одиночку. Но такой уж у меня характер, всю жизнь влюблялась не в тех мужчин. Нет, все мои любви, к счастью, были взаимными, но почти всегда бесперспективными и причиняли мне много боли. Да и я невольно тоже причиняла боль многим.

Встречались мужчины, которые искренне меня любили, но я, при всем своем желании иметь полную семью, никогда не смогла бы с ними жить, ведь сама не влюблялась. Даже понимая, что мне станет значительно легче материально, понимая, что этот человек сделает для меня все, да и сыну нужен рядом мужчина. Не могла... А может, на самом деле я в душе мужененавистница? Да-а, мужчины, мужчины, что же с вами делать?

Выходя замуж, я абсолютно осознанно собиралась навсегда уйти из профессии. Вот так категорично! Женой — так

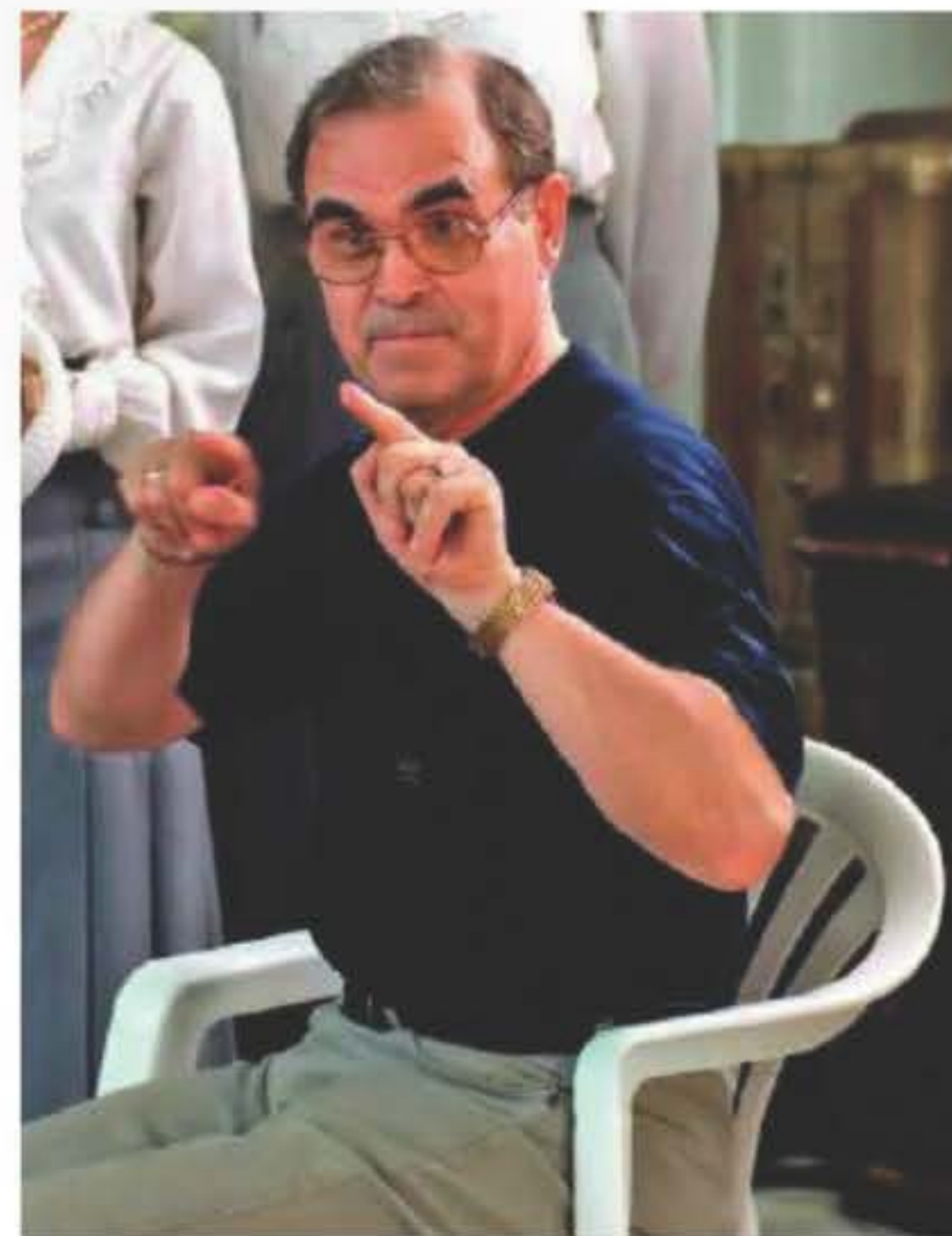

ФОТО: Ю. ВЕЛИЧЕНКО/ИТАР-ТАСС; ИЗ АРХИВА О. БУДУНОВОЙ

— Мам, при чем здесь это? Я же никак не изменюсь. Что замужем, что не замужем, я такая, какая есть.

— Нет, ты не понимаешь, общественное мнение — вещь серьезная. Между прочим, я в твоём возрасте уже двоих детей имела, а ты все в облаках витаешь. Посмотри, в кого ты превращаешься? Какая-то рабочая лошадка! Только о своих съемках и думаешь! А женская природа — совсем иная! Учти, хоть раз, но ты просто обязана выйти замуж! Я бабушкой хочу стать скорее, ну сколько можно ждать?!

Этими разговорами мама меня совсем уморила. Мой бывший муж ей очень приглянулся, приговор обжалованию не подлежал: «Всю жизнь ждала, чтобы ты встретила такого мужчину!» Раз все так серьезно, подумала я, надо попробовать, деваться некуда. И мне удалось, как в одноименном фильме, влюбиться по собственному желанию. Но через год поняла: увы, мой муж не создан для семейной жизни, он оказался человеком, для которого существовали только он сам и только его интересы. Он меня любил,

я это точно знаю. Просто у всех людей любовь разная. Признать, что жена и ребенок тоже человеки и имеют право так же наслаждаться жизнью, он оказался не в состоянии. Чтобы представить, какой была моя семейная жизнь, достаточно посмотреть фильм «Жена Сталина», где я сыграла Надежду Аллилуеву. Все это почти обо мне с одной лишь разницей: у нас дело до рукоприкладства не доходило или едва не дошло.

Но как ни странно, я его ни в чем не виню и всегда говорю себе: каждый человек име-

Отношения актрисы и режиссера перетекают из рабочих в личные нередко. Ну зачем посылается эта любовь, когда ей некуда развиваться?!

ет право на ошибку. И если ты приняла решение не мириться с этой ошибкой, вся ответственность — на тебе. Наверное, эта моя установка помогла нам с сыном выжить тогда. Ведь уйдя из профессии, я, естественно, потеряла заработок. Но не в моем характере что-то просить. Я никогда не напоминала бывшему мужу, что людям иногда что-то есть, во что-то одеваться и где-то жить. Сам он ничего не предлагал и забирая напоследок мои украшения, сказал: «Это не подарки, а вложение денег. Чтобы ты их не прода-

С режиссером Алексеем Учителем на премьере фильма «Дневник его жены»

«Дневник его жены». Снимается сцена любовного свидания на дереве. Мы с Андреем Смирновым в конце должны упасть в воду

ла, пусть хранятся у меня на черный день». Это была моя последняя надежда устроить наш с Наумом быт... Он же не ребенок, прекрасно понимал, что жить нам с сыном не на что. Может, думал, что лишившись средств к существованию, я захочу вернуть семью? Тогда это тем более странно. Зная меня, невозможно представить, что я смогу быть рядом с кем-то ради колбасы. В любом случае сейчас это уже не имеет никакого значения.

Зато теперь я знаю, что такое жить на пять тысяч рублей в месяц с маленьким ребенком. Знаю, как, будучи известным человеком, ездить по Москве автостопом, потому что надо всегда экономить.

А не ездить нельзя, необходимо находить способы заявлять миру, что ты вернулась и тебе очень-очень нужна работа!

Знаю, на какие свои внутренние кнопки жать, чтобы при встрече с режиссерами и продюсерами выглядеть независимо. И знаю, как себя настроить, чтобы мой малыш не видел моих слез, это его может испугать. Мама всегда должна быть улыбающейся и ласковой! Знаю, как отворачиваются бывшие друзья, потому что они списали тебя со счетов. И знаю, как поддерживают истинные друзья, вот им — моя сердечная благодарность!

Однажды накануне моего дня рождения мне позвонила

подруга и спросила: «Ну и куда мы завтра пойдем отмечать?» Я оторопела. В тот момент, получив аванс за написание книги по вынашиванию ребенка «Говорящая беременность», я не вылезала из дома, сидела за компьютером, обложенная научными трудами. Конечно, ни о каком праздновании речи не шло по всем причинам.

Она протянула: «Понятно. Щас перезвоню!» Минут через десять раздался звонок: «Завтра в двадцать один ноль-ноль приезжай в караоке на Пушкинскую, мы давно уже не слышали, как ты поешь. Ни о чем больше не думай! День рождения будет зашибенским, обещаю, тебе понравится!»

У меня перехватило дыхание, брызнули слезы. «Ты поняла?» — а я не могу вымолвить ни слова. Мне и надеть-то было нечего. После роли Надежды Аллилуевой я еще не успела похудеть, и мои старые одежды не налезали, о новых пока можно было даже не мечтать. «Думай о хорошем, никто выражаться не станет, все придет после работы и будут настроены на жаркий отрывной вечер», — сказала на прощание моя волшебница и повесила трубку.

Тот день рождения не забуду никогда. Я почти никого не знала, но все почему-то горячо поздравляли меня, дарили

Пройдя этот путь, я сильно внутренне изменилась и не только в теории, но и на практике прочувствовала: то, что тебя не убивает, делает сильнее! И по-новому влюбилась в свою профессию, вспоминая слова нашего педагога по танцу Ларисы Борисовны Дмитриевой: «Занимайтесь своей профессией с полной отдачей, это единственная вещь в мире, которая вас никогда не предаст!»

И не предала, вытащила! Сейчас мне уже невозможно представить себя без любимого дела: моей профессии, моих ролей — экранных и сценических «тетенок», которых я обожаю и называю

их тетеньками любовно. Красавицы счастливые, красавицы жестокие, красавицы-страдалницы, красавицы любимые. Страшно подумать, что могла остаться без них. А ведь я вообще не собиралась идти в актрисы! Не мечтала даже, хотя одноклассники мне хором про это твердили.

Очень хорошо помню встречу с моим первым режиссером Глебом Анатольевичем Панфиловым, который готовился к съемкам фильма «Романовы. Венценосная семья». Когда я пришла на пробы, Глеб Анатольевич вальяжно сидел в кресле, подперев щеку рукой, а рядом на журнальном столе были

Атлет двухметрового роста по команде «Мотор!» швырял меня в море. Смирнову было оказано высокое доверие: он должен был прыгнуть сам

цветы и подарки, взамен прося что-нибудь спеть, а иногда и дуэтом. Было человек двадцать, пятнадцать из которых — элегантно одетые молодые люди. На столе — множество потрясающих блюд и торт, вкуснее не ела никогда в жизни! Уже ночью, счастливую, объевшуюся и уставшую от танцев, меня привезли домой на машине с полным багажником цветов и подарков. Изумлению родителей не было предела! Собственно, моему тоже.

Я только что выбралась из воли. Стоял октябрь...

ФОТО ИЗ АРХИВА О. ВУЛИНОЙ

разложены фотографии Великих княжон Романовых.

— Как считаешь, на кого ты больше похожа?

— Мне кажется, на Ольгу.

Мы поговорили некоторое время, он задал еще пару вопросов и отпустил. Месяц я промаялась в ожидании, нервничала: если утвердят, надо же как-то договориться в училище. Шутка сказать, съе-

— Еще как! В куклы не играла, гоняла по двору с пацанами.

— Прекрасно. А рожки корчить умеете?

— Конечно.

— Приходите еще раз, попробуем вас на Анастасию. Если получится, покажите Панфилову язык.

Ошарашенная, повесила трубку. Я действительно не

берегу Черного моря, и не в корпусах, а в самых настоящих палатках. Больших, в них помещалось до двадцати пяти кроватей и столько же пионеров из семи союзных республик. Смена наша была совершенно необыкновенной, что потом подтверждали сами вожатые, которых мы просто боготворили. С одним из них, Сашей Непомнящих, я подру-

Став рыжей, я радостная явилась к Митте. Он закричал: «А-а-а! Ты стала похожа на мою еврейскую бабушку, срочно перекрашивайся!»

мочный период девять месяцев, а у меня выпускной курс, три главных роли в дипломных спектаклях и на носу показы в театры! Но телефон молчал. Месяц, два, три проходят. Тогда я сама дозвонилась ассистентке Панфилова по актерам:

— Как мои дела? Больше не могу ждать! Скажите, утверждаете или нет?! — волновалась страшно и от этого говорила очень эмоционально.

— Вот сейчас вы мне нравитесь, — вдруг заявила она. — Почему же когда приходили к нам, были такой спокойной, можно даже сказать аморфной?

— Что же, я должна была вести себя как бешеная?!

— Вот, совсем другое дело. Вы безобразничать любите?

— В общем, да, — растерялась я.

— А какой были в детстве? Родителям доставляли беспокойство?

была пай-девочкой. Отличной успеваемостью в школе похвастаться не могу, да и дружила в основном с отстающими, даже сидела на последней парте, там было веселей. С детства была мальчишницей, вместо того чтобы играть в куклы, гоняла с ребятами в казаки-разбойники. Так что «ботанов» в нашей компании не могло быть по определению, а задир, состоявших на учете в детской комнате милиции, хватало.

Учителя прощали мои вольности, поскольку художественная самодеятельность школы во многом держалась на Будиной. Я была заместителем председателя совета дружины, а еще — солисткой всех возможных хоров и организатором школьных праздников. После шестого класса меня за активную общественную работу отправили в пионерлагерь «Орленок». Наша дружина «Солнечная» жила на самом

жила на долгие годы. Саша прекрасно играл на гитаре и пел. По вечерам несколько вожатых приходили к нам в палатку, чтобы спеть «колыбельные» на ночь. Таким образом нам перепели весь репертуар Beatles и половину бродвейских мюзиклов. Саша всегда садился петь на мою кровать, и я была в полном восторге.

Именно в «Орленке» я сыграла первую серьезную роль в спектакле о Гарсиа Лорке, была его голосом. Ставил спектакль Саша. После лагеря мы продолжали переписываться и до сих пор общаемся. Когда бываю на гастролях в Новосибирске, он обязательно приходит на спектакли. Мой друг счастливо женат, у него уже четверо детей.

Потрясающей наша смена была не только из-за нас, таких необыкновенных пионеров и еще более необыкновенных вожатых. У нас оказался необыкновенный отряд.

Дело было в конце восьмидесятых: всюду шло развенчание мифа о прелестях социалистического строя и бунтарские идеи носились в воздухе. Мы ими буквально дышали, и мне они страшно imponировали. Я выбрала для себя отряд НРО — Неформальное Революционное Общество. Мы отменили пионерскую форму, линейки, марширование

и танцы. На бедра спускала цветастый платок и в таком виде шла гулять. Учителя я перестала тоже, но учителя меня почему-то любили и в четвертях никогда не ставили «троек». Хотя и это меня мало волновало, я собиралась стать музыкантом.

У меня сейчас другая профессия, но желание музицировать есть всегда, и оно как

не видела никаких проблем с расширением своих музыкальных горизонтов. Учась в школе, собиралась поступать в «Гнесинку» и никуда больше. Причем не на инструментальное, а на хоровое отделение и стать руководителем народного хора!

После девятого класса поехала сдавать экзамены. Подготовка у меня была прекрас-

Если Митта видел меня с едой, подскакивал и переворачивал тарелку: «Не положено тебе есть! Будешь теперь в кадре как сонная корова!»

строим и занимались переустройством пионерской организации в разновозрастные отряды по интересам. Короче, готовились совершить в своих школьных дружинах революцию! Вернувшись, я объявила, что в пионерии больше не верю, секретарем комитета комсомола не буду, но готова создать новую молодежную организацию.

Не увидев никакого интереса к этому ни у кого, даже у моих друзей, я одной из первых взбунтовалась против школьной формы: пришла на занятия в свитере и длинной, в пол, юбке. Когда директор попыталась отправить домой, заявила: «Форму мама постирала, она никак не сохнет». Не сохла форма неделю, пока на меня просто не махнули рукой. Вечером, после школы, я красила челку красной копиркой, начесывала волосы, подводила брови зеленым, а на веки накладывала фиолето-

вые тени. На бедра спускала цветастый платок и в таком виде шла гулять.

Моя вторая встреча с Глебом Анатольевичем принесла желаемый результат нам обоим. Я исполнила все указания: и рожицы скорчила, и язык показала. В итоге получила роль, а режиссер нашел актрису. Но начать съемки смогли только через год. В ожидании финансирования группа не расслаблялась, Панфилов считал, что актеры должны постоянно общаться, привыкать, поэтому репетировали чуть ли не каждую неделю. Однажды Глеба Анатольевича озарило: «А что если Анастасия будет играть на саксофоне? В начале двадцатого века он уже появился в России». А я хоть и аккордеонистка и играла на всех клавишных, но была не прочь освоить еще какие-нибудь инструменты.

Абсолютный слух у меня обнаружился в пять лет, и я

несколько лет посещала Пушкинскую школу, отправлялась в этнографические экспедиции, собирала старинные игры и обряды, вроде Шурика из «Кавказской пленницы». Поэтому на экзамене отвечала бойко, пела звонко, играла на аккордеоне и фортепиано без ошибок и с душой. В общем, была на все сто уверена в успехе. Но мне поставили «четверку» — за природные данные, «тройку» — за вокал и «тройку» — за владение инструментом. Попросту завалили.

— Ну что ты так переживаешь? — успокаивала мама. — Если сдашь на «пятерку» сольфеджио — непременно наберешь проходной балл.

— Нет, больше туда не пойду, — решительно заявила я.

От обиды закурила первую сигарету. «Ах, вам не нравится мой голос, — говорило во мне детское чувство мести, — так пусть же он пропадает!» Голос,

С режиссером Александром Миттой на съемках фильма «Граница. Таежный роман»

конечно, не пропал, но сегодня он не тот, что раньше...

Профессиональным музыкантом я не стала, поступила в Щукинское училище. Но после идеи Глеба Анатольевича сделать музыканта из Анастасии я так воодушевилась, что немедленно обзвонила друзей и нашла коллекционера, у которого имелся инструмент начала двадцатого века. Его и в руки-то взять без трепета было страшно, но тот человек согласился доверить мне музейную вещь и даже дал несколько уроков игры на саксофоне. Радостная прибежала на очередную репетицию.

— Глеб Анатольевич, я готова сыграть на саксофоне, нашла старинный инструмент, договорилась с владель-

цем: он предоставит его на съемки.

— Ты знаешь, — сказал мастер протяжно и вздохнул, — все-таки это слишком, не могла она играть на саксофоне...

Так что поехала я на съемки без инструмента. Тобольск и Екатеринбург, куда была послана царская семья, снимали в Праге на киностудии «Баррандов». В первый же день всех нас, играющих Великих княжон, обрили наголо, это требовалось по сюжету. И режиссеру так понравились наши головы (это было реально красиво), что он тут же решил: всю картину мы будем ходить лысыми. Парики надели лишь в сценах в Царском Селе, которые снимали в последнюю очередь, но фильм

начинается именно с них. Наша чудесная художница по гриму, старейший сотрудник «Ленфильма» Ольга Максимовна Смирнова потом подарила нам парики на память. Мой хранится дома до сих пор.

Но сильнейшее впечатление на меня произвела не только работа над ролью, но и сами съемки. Глеб Анатольевич, если ему что-то не нравилось, подходил и делал замечание почти шепотом. Со стороны казалось: он от всего отстранился, тихо сидит в углу, тем не менее все подчинилось его воле. Нет, он мог быть очень жестким и говорить обидные вещи, но проявления истерики, злости, скандальности — это не про него. Иногда я даже не слышала

команды «Мотор! Камера!» и просто продолжала играть этюд, а потом вдруг раздавалось: «Снято!» Как-то все там было удивительно для меня.

После Панфилова тяжело сниматься у других режиссеров. Да и отношения на съемках возникли почти родственные, теплые. Мы — четыре юных симпатичных актрисы, все мужчины съемочной

минаю об этом счастливом периоде.

Все время, пока шли съемки, мы были вместе с группой. Панфилов требовал, чтобы «царские дети» находились на площадке, даже если снимаются другие сцены. Он очень не хотел, чтобы мы выпадали из атмосферы фильма, и его не интересовали другие наши заботы. Так всегда по-

А «Дневник его жены», где я сыграла одну из главных ролей, участвовал в международных кинофестивалях, и его активно обсуждали в прессе.

Дуня Смирнова написала этот сценарий специально для своего отца, выдающегося режиссера и безусловного актера Андрея Сергеевича Смирнова. Он играл Ивана Бунина. Роль его жены Веры предна-

Когда дошли до монолога Андрея Панина в больнице, съемки фильма пришлось остановить. Операторы плакали и не могли держать фокус

группы постоянно оказывали нам внимание, опекали, водили в рестораны, говорили комплименты. В выходной любили просто погулять по Праге вместе или устраивали посиделки у кого-то в номере. Сколько всего прекрасного было тогда!

У нашего любимейшего оператора Миши Аграновича группа состояла из людей почтенного возраста, которые относились к нам по-отечески. По утрам, провозя мимо гримерной свою операторскую тележку, они останавливались и шутливо говорили: «Карета подана!» С радостью впрыгивала в нее, и меня важно везли в павильон.

Я была самой младшенькой из княжон, и они меня баловали больше остальных. А как шутил сам Миша, какие розыгрыши придумывал! Опять я про любовное настроение... Оно всегда было у нас, и до сих пор я с нежностью вспо-

ступают большие режиссеры, они абсолютные тираны, и их совершенно не заботит то, что не относится к производству фильма.

Я же пропускала практически весь четвертый курс и не могла готовить отрывки для показа в театры. После съемок пришлось начинать все заново. Мне не разрешили показываться со своим курсом в театры и едва позволили получить диплом. Я сыграла всего один спектакль и была вообще никому не известной актрисой, даже зрителям нашего Щукинского учебного театра. С нетерпением ждала премьеры, надеялась: «Романовы. Венценосная семья» выйдет на экран и все обо мне узнают. Но картину впервые показали лишь через три года, в 2000-м. К тому времени ко мне уже пришла известность: снялась в нескольких кино- и телепроектах, которые с успехом шли на разных каналах.

значалась Галине Тюниной, с которой вся команда работала на предыдущей картине Алексея Учителя. Роль последней любви классика русской литературы, поэтессы Галины Кузнецовой, долгое время оставалась вакантной. На нее пробовались, наверное, все прекрасные молодые актрисы нашего времени.

Когда я пришла на пробы, рядом с Учителем сидели Андрей Сергеевич Смирнов и Юрий Викторович Клименко, гениальный оператор. Мы какое-то время просто разговаривали, постепенно мои собеседники стали широко улыбаться, со значением переглядываться, и я поняла: мужики меня одобрили. Однако Учитель долго не объявлял, что я утверждена, потом стали шить костюмы, подбирать грим. И наконец мы поехали в Питер на съемки, а контракт все еще не подписан, и это было смешно, но я нервнича-

ла, что Алеша сомневается, правильно ли он меня выбрал. В конце концов спросила его, утверждена ли я — ведь контракт не подписан. Не могу выразить словами, что появилось на лице Учителя. Приблизительно — полное недоумение. Он ответил что-то вроде: все ли в порядке у тебя с головой? Я понимала, что, наверное, не все, и больше спраши-

Всю жизнь влюблялась не в тех мужчин. Все мои любви, к счастью, были взаимными, но почти всегда причиняли мне много боли

вать не стала. Контракт так и остался неподписанным.

После Питера мы должны были отправиться в Тунис, где планировалось провести основные съемки. И тут раздался звонок со студии «ТРИТЭ», которая сотрудничала с американским продюсером. Я пришла на кастинг, и в тот же день меня пригласили в голливудский фильм. Сроки один в один совпадали с «Дневником его жены». Объясняю:

— Я не могу, снимаюсь у Алексея Учителя, освобожусь только через два месяца.

— Оля, ты понимаешь, что такие предложения каждый день на голову не сваливаются?

— Понимаю, но...

— Никаких «но». Кто такой Учитель? Ну снял один неплохой фильм «Мания Жизели». А это Голливуд! Представляешь, какие перед тобой открываются перспективы? Учи-

тель никуда не денется. Таких Учителей у тебя еще будет вагон и маленькая тележка.

Я недолго мучилась, решение было твердым: сначала доснимусь у Учителя, потом Голливуд и все остальное. А через день после моего отказа грянул дефолт, и съемки «Дневника его жены» были остановлены и возобновлены лишь через год...

Октябрь, Ялта. Осень, как назло, выдалась особенно холодной, а по сюжету в кадре жаркое лето, актрисы в легких платьицах. В первый день мы снимали сцену, где Бунин назначил Галине любовное свидание на... дереве, они сидели, рассматривали какие-то разноцветные стеклышки, дурачились, а потом свалились прямо в море.

Снимали сцену падения. На парапет набережной поставили стол, на него стул, на стуле стоял атлет двухметрового роста в облегающих плавках, который ждал, пока я на него залезу, чтобы по команде «Мотор!» швырнуть меня в море. Андрей Сергеевич тоже забрался на стол, но ему было оказано высокое доверие: атлет его не швырял, он должен был спрыгнуть сам. А меня швыряли на случай, если испугаюсь, чтобы падение выглядело максимально естественным.

Дубль первый. Лечу в воду, антикварные тапочки тут же спадают с ног. Художник по костюмам Лена Супрун мечется по берегу, орет: «Лови тапки, лови тапки!» Учитель кричит: «Смейся, смейся!» Я открываю рот, чтобы выполнить режиссерское указание, и чуть не захлебываюсь: волна бьет прямо в лицо. «Открывай рот, смейся!» — надрыдается Учи-

тель. Последним усилием воли открываю рот и тут уж глотаю морскую воду по полной программе. Выходим со Смирновым на берег. Учитель командует: «Готовьтесь ко второму дублю».

Вторым дело не ограничилось, решили снять третий, чтоб уж наверняка. На третьем дубле чувствую: кружится голова. «Андрей Сергеевич, мне что-то нехорошо», — говорю Смирнову. Он тут же меня подхватывает, кое-как доплываем до берега, выползаем из воды... Больше ничего не помню, в глазах потемнело, я упала в обморок. Вызвали «скорую», привели в чувство, растерли, налили валерьянки, пустырника, перцовки. Дали пару часиков передохнуть, а потом продолжили снимать очередную сцену.

Группа жила в одной гостинице, на следующее утро мы пересеклись с Учителем

на завтраке. Вижу — идет с та- релкой, потирает бороду (он тогда носил бороду и усы) и говорит: «Доброе утро, Оля! Я тут подумал, все-таки тот

кадр с падением не из нашего фильма». И я тоже подумала: что Панфилов с саксофоном, что Учитель — хрен редьки не слаще!

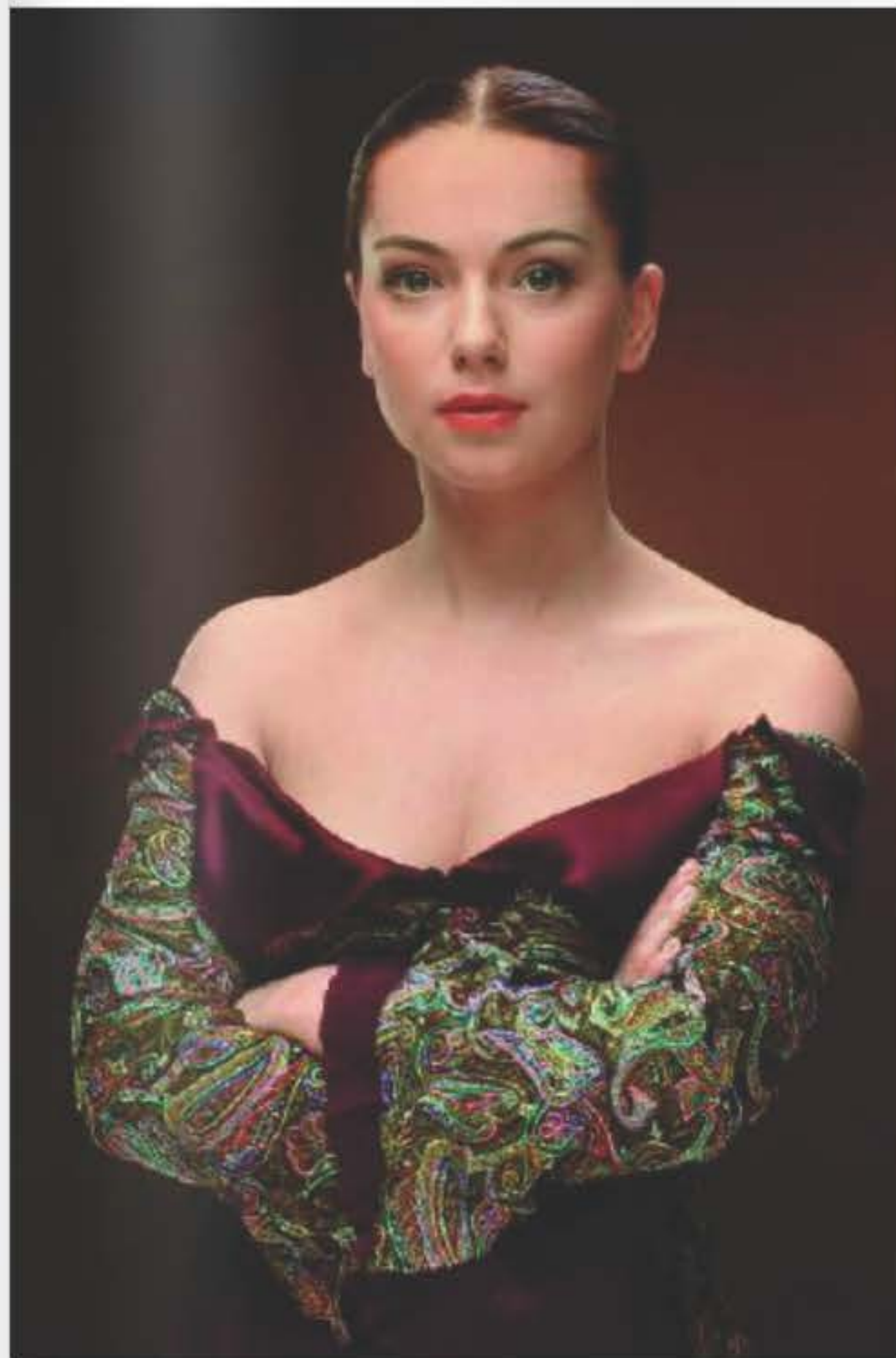

ФОТО: Е. ЮРИСОВ/ФОТОВАНК

Съемки оказались невероятно тяжелыми не только из-за холодной погоды. Петр Наумович Фоменко отпустил Галию Тюнину из театра на определенное время, начинался театральный сезон, а съемочных дней с ее участием было много. Надо было уложиться в жесткие сроки: помню, Галины сцены мы снимали двое суток без перерывов, хорошо если удавалось полчаса вздремнуть. С площадки Тюнину повезли прямо к самолету. Вымотались все страшно, но ни у кого язык не поворачивался отказать Учителю или выразить недовольство.

Группа Учителя вообще работает самоотверженно. На время съемок она становится его семьей. Леша со всеми дружит, он очень мягкий, душевный, щедрый, благодарный человек. Если у кого-то день рождения, никогда не забудет поздравить, сделать подарок.

Учитель — настоящий питерский интеллигент, в чем-то нерешительный, рефлексирующий, но оттого еще более притягательный. Я с самого знакомства почувствовала, что «поплыла». Как выяснилось позже, «поплыла» я не в одиночестве. Отношения актрисы и режиссера нередко перетекают из рабочих в личные. Но у меня такого никогда не было ни до встречи с Учителем, ни после нашего фильма. Вот иногда думаю: «Ну зачем нам посылается эта любовь, ну кто ее просит возникать в тех случаях, когда ей некуда разви-

ваться?!» У Леша был маленький ребенок, он тогда еще не ходил в школу, приезжал к нам на съемочную площадку. Я видела, как Леша его любит. Видела и жену, которая жила Лешинной жизнью, занималась его делами, находилась рядом не один год. Отказаться от привычного хода вещей для Учителя было невозможно. Я это прекрасно понимала.

месте. Было очень тяжело, насколько могла, держалась, но в нашей группе дураков не было. Однажды Татьяна Москвина, известный журналист и писатель, а еще давняя подруга Учителя, которая тоже снималась в фильме, сказала: «Ты должна научиться держать удар. У тебя была когда-нибудь неваляшка? Помнишь, ее быют, гнут к земле, а она все

какой, лицо походило на топографическую карту, кожа чесалась и шелушилась. Помню, шла по коридорам «Мосфильма» в тон-студию, где проходило озвучание «Дневника его жены», а люди шарахались в стороны. Подошла к двери, она вдруг распахнулась, откуда вылетел Женя Миронов. Увидев меня, бросился навстречу: «Привет!» Обнял и

Я не напоминала бывшему мужу, что нам нужно где-то жить. Забирая мои украшения, он сказал: «Это не подарки, а вложение денег»

А потом, я никогда не бьюсь за свою любовь, в этом смысле моя позиция пассивная. Допускаю, можно бороться за семью. Но предпринимать усилия, чтобы увести из семьи, — нет, я не готова брать на себя такую ответственность.

Кроме всего прочего, меня совсем не привлекали скандалы, пересуды, обвинения. Было очевидно: вместе нам не быть, надо с этим смириться — и я смирилась! Но ведь не могу сесть в машину и уехать! Да, мечтала об этом и считала дни до окончания съемок, это было бы самым замечательным вариантом: с глаз долой — из сердца вон. Но нам нужно кино снимать! Нам нужно ежедневно общаться, что-то придумывать, фантазировать. Настоящая пытка, а не счастье творчества. Нервы распались, сон пропал совсем, накатывала депрессия, глаза постоянно на мокром

равно поднимается. Вот и бери с нее пример».

Смешно брать пример с неваляшки, но доля истины в этом есть. Танины слова прозвучали в нужный момент. Сегодня наш фильм, как говорят, стал культовым. Я знаю многих уважаемых людей, для которых он — один из самых любимых, и они его периодически пересматривают. Я не могу. Вообще не смотрю свои фильмы, а этот тем более. «Дневник его жены» не столько про дела минувших дней, любовные страсти Бунина, сколько про то, что происходило тогда с нами. Конечно, все это в результате сработало на успех, и если б не было тех отношений, получился бы совсем другой фильм, не такой пронзительно-щемящий.

Когда съемки закончились, я тяжело заболела: у меня была сильнейшая, чудовищная вспышка нейродермита, все тело покрылось красной кор-

как ни в чем не бывало чмокнул в щеку, прямо в бордовые болячки. Ну не красавчик? Обожаю его!

Окончательно излечила от депрессии работа. Актерская профессия тем и прекрасна, что дает нам возможность проживать разные жизни и испытывать яркие чувства. А это отвлекает от личных драм. После «Дневника его жены» меня пригласили на роль Гали в фильм «Граница. Таежный роман». Режиссер Александр Митта делил офис в Романовом переулке с сыном-художником и назначил встречу там. Зашла, Александр Наумович глянул и говорит:

— Какая же ты Галя? Ты — Марина. Сценарий читала?

— Мне прислали только текст проб.

— Так, садись читай, закончишь — поговорим.

За несколько часов я осилила все восемь серий и была в восторге от истории:

— Очень понравилось, но Марина же первая красавица. Я себя такой не ощущаю. Разве я смогу...

— Если будешь красить ресницы, как дура, коричневой тушью, конечно не сможешь. Чтоб больше этого не видел! — постановил Митта.

«Значит так, ты мне нравишься, буду снимать, — объявил Александр Наумович че-

«Ты зачем прибавляешь в весе? — заметил Бортко. — Смотри, я брал тебя фарфоровой статуэткой. Как в костюмы-то еще влезаешь?»

рез неделю. — Приходи в понедельник на «Мосфильм», сделаем пробы для телеканала, заодно выберем твоих партнеров. Если кто из актеров понравится, подмигни». Я была на вершине блаженства, поскольку только что дочитала книгу Митты «Кино между адом и раем» и режиссер был для меня богом.

В понедельник он встретил меня словами: «Ой, солнце пришло! Ну давай посмотрим твоих партнеров, ты особенно не утруждайся, подыграй просто». А снимали мы сцену, где я плачу. «Вот ты сейчас заплакала, а надо зарыдать», — я послушалась, Митта остался доволен. Когда собралась уходить, сказал: «Мне теперь без тебя будет грустно. Завтра приходи, другой Голощекин будет, ни о чем не думай, выспись хорошенько».

Прихожу на следующий день. Новый артист на пробах, сцена та же. «Ну вот, солнце

пришло! Ты вчера здесь зарыдала, — сказал Митта, — а тебе надо прийти в отчаяние». Я пришла в отчаяние, и Митте опять понравилось. Так всю неделю мы наращивали обороты. В конце я подошла к последней степени испуга. И если бы не окончание периода подбора актеров, одному богу известно, что бы он еще попросил меня сыграть,

просто помогая своим партнерам познакомиться с ролью. Гений одним словом! Вот интересно: ну хоть когда-то, хоть где-то, хоть один раз был какой-нибудь гений, который бы не издевался над своими любимыми артистами?

Стали искать внешний образ Марины. С моими подругами на пробах определились: одну играет блондинка Рената Литвинова, другую — брюнетка Лена Панова. Предложила:

— Александр Наумович, а давайте я буду рыжей? Мне этот тон очень идет, оливковые глаза сразу становятся какими-то нереально изумрудными.

— Ну давай.

И я перекрасилась в рыжий. Красота: кожа белая, глаза изумрудные, в общем, мимо не пройдешь. Радостная и счастливая явилась к Митте, он, увидев меня, замахал руками и закричал:

— А-а-а! — только что «сгинь, нечистая сила» не произнес.

— Что такое, Александр Наумович?

— Ты стала похожа на мою еврейскую бабушку, срочно перекрашивайся!

Но краска оказалась настолько ядерной, что вытравлять ее пришлось осветлителем, да и то получилось не до

конца. В итоге я оказалась пергидролевой блондинкой, но мои волосы идеально вписались в атмосферу семидесятых, когда по сюжету разворачивались события фильма. И я потом во всех интервью говорила, что мы специально искали такой тон и чудом нашли его!

В первый съемочный день на площадку летела на крыльях. Мои сцены снимали не с раннего утра, так что когда появилась, Митта уже всю руководил процессом.

— Александр Наумович, здравствуйте! — радостно бросилась я к нему.

— Не пойму, ты в костюме или нет?

— Сейчас переоденусь.

— И что ты тут шляешься без костюма?!

Вот так-то, и больше никакого «солнца»!

Но самое ужасное ждало впереди. Митта не давал мне есть, совсем. Обед привозили

В телекранизации Владимира Бортко «Идиот» по роману Достоевского я играла Аглаю

на съемочную площадку. Если Митта видел меня с едой, моментально подсказывал и переворачивал тарелку: «Не положено тебе есть! В актере должен быть острый нерв, оголена должна быть нервная система, глаз должен сверкать. А ты теперь будешь в кадре как сонная корова».

Сериал «Граница. Таежный роман» снимался в Кировском районе Калужской области, в гарнизоне Шайковка. Сегодня он уже стал знаменитым, а тогда, четырнадцать лет назад, это было довольно скромное местечко с удивительно приветливым и отзывчивым населением. Местные жители с радостью предо-

ставляли свои личные вещи для съемок, и многое, что потом зрители увидели в кадре, на самом деле принадлежало реальным людям. Артистов поселили в самых обычных квартирах для военных, и это значительно помогло нам прочувствовать место действия нашей истории. Мы своими глазами видели, как прототипы наших героев живут, что едят, что носят, о чем разговаривают.

Места там болотистые, сырые, и я часто простужалась. Поскольку снимали в любую погоду, в конце концов заболела воспалением легких. Это было настоящее испытание еще и потому, что съемки

на период болезни отменить нельзя, есть жесткий график занятости артистов, объектов съемок, и если ты выпадаешь из процесса, вся работа просто встает. Конечно, тут же организовали необходимую медицинскую помощь, на выздоровление дали максимум полтора дня.

Вечером должна была сниматься очень важная сцена. И именно она была для меня самой страшной во всем сценарии. Александр Наумович всегда очень конкретно выстраивает взаимоотношения героев и находит для этого точные визуальные решения. К примеру, отношения моей героини Марины Голощеки-

ной с возлюбленным Иваном должны были находить воплощение в поцелуях, они очень романтичны и лиричны по своей сути. Тогда как отношения Марины с мужем Никитой Голощекиным, которого играл Алексей Гуськов, полны плотской страсти. Она не любит Никиту, но не в силах отказаться от секса с ним.

быть ведущей, это ты должна его взять, а не он тебя!» Тут мой разум совсем отказал, и я хлопнула коньяку. Сразу стало весело, и страх сменился смешливой истерикой.

Меня позвали в кадр, выхожу на улицу: ночь, холодрыга жуткая, куча осветительных приборов, вся наша группа шепчутся, готовясь снимать. А надо сказать, что группа в

чинаю дико хохотать! Вот вам киносекс! На глазах у всего честного народа, под ярким светом приборов, опираясь на табуреточку и с подушкой за спиной — давай, изображай вершину сладострастия! Не знаю, как Леша, а я, мне кажется, делала какую-то пародию на все подобные любовные кадры, которые когда-либо видела.

Встречались мужчины, которые искренне меня любили, но я, при всем своем желании иметь полную семью, никогда не смогла бы с ними жить

Для этой цели была придумана любовная сцена с Никитой у дерева, ну и для обострения конфликта ее должен был увидеть Иван. Сцена весьма конкретная и недвусмысленная. Я очень боялась не справиться, поскольку ничего подобного не играла и в театральных институтах этому не учат. Да еще невероятная слабость из-за пневмонии уверенности в себе не добавляла. Этой сцены я стала бояться сразу, как только прочла сценарий, и страстно мечтала, что как-нибудь Митта ее изменит, а то и вовсе от нее откажется, придумает что-то другое.

И вот сижу в гримерке и жду приговора: как режиссер решил снять этот ужас. Вся трясусь от страха и озноба. Приходят гримеры, прелестные женщины, и протягивают мне коньяк: «Ты должна так сыграть, чтобы отомстить всем мужикам, ты должна

основном была молодой, операторы во главе с Сережей Астаховым все красавцы удалые. И плотным кольцом стоят местные жители, которые часто приходили смотреть, как снимается кино. Мы к ним уже привыкли и даже не замечали посторонних на площадке. Но сейчас — другое дело! Иду дальше и вижу дерево, к стволу которого постановщики привязывают подушку. Соображаю, что это они беспокоятся о моей спине, и понимаю, что Митта ничего не поменял и намерен все снять в точности как написано в сценарии. Прошу еще коньяку, выпиваю.

Подходит Гуськов, и мы начинаем как-то пристраиваться у дерева, причем оба делаем вид, что все в порядке. И тут Леша говорит, что было бы правильно поставить маленькую табуреточку у дерева, чтобы ему не держать меня на весу все дубли. Я на-

Только гений Митты смог так потом все смонтировать, чтобы от этой сцены дух захватывало. Впрочем, как и от всего фильма. Уж который год по всем каналам показывают, и всегда высокие рейтинги!

Но в этой истории появилась и трагичная страница. Умер Андрюша Панин... Я познакомилась с ним на пробах нашего сериала, он, как и Леша Гуськов, претендовал на роль Голощекина, но Александр Наумович сразу видел его только особистом Вороном. Играл Панин потрясающе, у Андрея ни на кого не похожая, необычная органика. Когда дошли до монолога в больнице, где жена его героя в исполнении Ренаты лежит без сознания, а он тербит ее руку, съемки пришлось остановить. Операторы плакали и не могли держать фокус! Потрясающий, выдающийся артист! Никто не смо-

В роли Надежды Аллилуевой

историю семидесятых. После выхода «Границы...» в кино возникла мода на семидесятые, а после бортковской экранизации «Идиота» на телевидении открылись двери для классики. И я очень рада, что имею к этим событиям непосредственное отношение!

Владимир Владимирович не раз повторял, что главный герой нашего фильма — язык Достоевского, а проще говоря — текст. Он требовал от актеров знать его до запятой. А это непростая задача. Уж насколько у меня хорошая память, но сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, которыми написан роман, заучивались с большим

Фильм «Жена Сталина» — это почти обо мне с одной лишь разницей: у нас с мужем дело до рукоприкладства не доходило или едва не дошло

жет заменить его. Эх, Андрей, Андрей... Как же рано ты ушел...

По воле судьбы его жена Наташенька Рогожкина, тончайшая актриса МХТ, играла мою маму в фильме «Жена Сталина». Я была несказанно удивлена, узнав об этом до съемок, ведь мы — ровесницы! Но Наташа так филигранно выстроила роль, так блестяще сама создала грим своей героини, что когда смотришь фильм, действительно веришь, что мы — мать и дочь.

Я очень хочу, чтобы кинематограф не забыл о таком бриллианте и Наташа снималась много.

Наша профессия очень странная, но она хороша тем, что дарит незабываемые встречи с людьми. И для меня самая насыщенная такими встречами картина, безусловно, «Идиот». Я считаю, что режиссер Владимир Владимирович Бортко практически совершил революцию на нашем телевидении, как и Митта, который снял ретро-

трудом. Мы же сейчас так не говорим, у нас совсем иной ритм построения фразы, поэтому временами казалось, что я учу не русский текст, а китайский.

Как-то поинтересовалась у Жени Миронова, гениального князя Мышкина, как он выучивает такие огромные монологи, ведь каждый день — съемки? Как успевает? «О, это целая система, — сказал Женья. — Я начинаю учить текст за пять дней до съемок сцены. Вначале учу его, потом

повторяю тот, что снимается через четыре дня, потом повторяю тот, что снимается через три, потом тот, что через два и уже потом тот, что завтра. Потом засыпаю».

Однажды, отработав, мы поехали поужинать, возвращались в гостиницу еле влоча ноги, вялые, уставшие. Даже разговаривать сил не было. И Женя говорит: «А какие у нас тут радости? Ну вздохнешь, ну чихнешь — и все...» Не могла с ним не согласиться.

Съемки были выматывающими, но и крайне интересными. Я не упускала момента пообщаться с прекрасными нашими великанами — Инной Михайловной Чуриковой, Володенькой Ильиным, по уши влюбилась в Олега Валериановича Басилашвили, часами могла сидеть и слушать его байки, он мастер их рассказывать. Даже иногда в кадр идти не хотелось, пока не дослушаю очередную историю.

Когда мы стали снимать в Павловске, к съемочной группе прикрепили компанию, которая готовила нам ну просто фантастические обеды. И на меня напал самый настоящий жор, я не могла остановиться. Но так как мне все же было стыдно так много есть, я просила приносить добавку кого-нибудь из группы. И мне носили всякие пирожки, плюшки, а особенно вкусно там пекли ром-бабы. Ну нигде таких сочных и душистых ром-баб я не пробо-

вала! И конечно, стала поправляться.

— Ты зачем прибавляешь в весе? — заметил однажды Бортко.

— Нет, вам показалось.

— Смотри, я брал тебя фарфоровой статуэткой, а ты превращаешься в дородную барышню. Как в костюмы-то еще влезаешь?

И действительно, платья на мне уже застегивались с трудом. Но нашим костюмерам как-то удавалось маскировать мои лишние килограммы. Мы очень подружились, у нас даже родилась идея создать свой бизнес — магазинчик декоративно-прикладного искусства. И я всячески эту идею вынашивала.

Девчонки постоянно придумывали и шили мне новые костюмы. А моей задачей было их утвердить у Бортко, который являлся еще и продюсером фильма, из-за чего считал каждую копейку. Федор Михайлович не любил описывать внешний вид своих героев, и про гардероб Аглаи, которую я играла, упоминалось совсем мало. И Владимир Владимирович решил, что для меня достаточно пары платьев на десять серий. Мы, девочки, с этим смириться никак не могли и сопротивлялись. Надев очередное новое платье, я, без грима, кринолина и с грустным выражением лица, представала перед светлыми очами режиссера. Костюмеры говорили, что платье копейчное и состряпано из подбора, пусть будет.

Делали мы это либо перед началом съемок, когда Бортко было не до меня, либо в финале, когда он смертельно уставал. Режиссер говорил: ну ладно, почему бы нет, не мешайте работать. И мы, счастливые, удалялись. А на завтра я входила в кадр уже во всей красе.

— Откуда этот костюм?! — орал Бортко. — Вы что, все с

ли в горы снимать фильм с Сергеем Бодровым-младшим. И остались в Кармадонском ущелье... Девочки мои дорогие, я очень вас люблю!

С Сергеем Владимировичем Бодровым мне посчастливилось познакомиться в 2003 году, когда он был председателем жюри XXV Московского международного кинофестиваля, а я — членом жюри. Де-

В результате познакомилась с удивительными, дружными и горячо любящими друг друга людьми. Я не много назову современных семей, где бы уважение, доверие и обожание стояли на первом месте. И основная в этом заслуга мамы Антона, Натальи Владимировны Виолиной, сценаристки, жены и соратника режиссера Дмитрия Юрьевича

Шла сцена, где Коненков жестко выясняет отношения с моей героиней. И вдруг Наум говорит: «Я голову ему оторву за такие вещи!»

ума походили? Кто разрешал покупать?

— Как откуда? — не моргнув глазом, отвечала я. — Вы вчера его сами утвердили.

— Я?! Я его вообще не видел!

— Владимир Владимирович, ну как же?

А девочки стояли рядом и тоже начинали уверять Бортко, что так оно и было. Он махал рукой, и я входила в кадр, как и полагается генеральской дочке на выданье, в роскошном платье. Я правда считаю, что Аглая не могла ходить постоянно в «черненьком бурнусике». И теперь вот признаюсь честно, что обманывала режиссера. Владимир Владимирович, простите сердечно наши женские уловки! Мы были озорными и хотели как лучше.

Когда съемки «Идиота» закончились, мои любимые костюмеры Даша Баженова и Наташа Сыромятникова уеха-

ли в горы снимать фильм с Сергеем Бодровым-младшим. И остались в Кармадонском ущелье... Девочки мои дорогие, я очень вас люблю!

Пока снималась в «Идиоте», мне позвонил продюсер Антон Барщевский. К большому несчастью, он тоже слишком рано ушел из этого мира. Светлая ему память... Антон пригласил меня на роль Нины Градовой в сериал «Московская сага» по одноименному роману Василия Аксенова. Я объяснила, что сейчас занята в «Идиоте» и не смогу совмещать это с чем-то еще. Если делаю серьезную, значимую для меня работу, никогда не соглашаюсь на параллельные съемки. Но Антон сказал: не проблема, подождем. И они меня действительно ждали несколько месяцев, и я благодарна за это.

ча Барщевского. Сериал «Московская сага» за их спиной в группе называли «Семейной сагой»: они работали над ним всей семьей. Мы наблюдали, как менялось выражение лица Натальи Владимировны, если она видела Дмитрия Юрьевича, и как он всегда нежно обращался ко всем нам в ее присутствии: «Девочки!» Жена для него — навсегда та самая юная прелестная девочка, которую он когда-то полюбил. И как же это чудесно!

Я думаю, что именно так относился к своей Маргарите великий советский скульптор Сергей Тимофеевич Коненков. Очень трепетно, хотя и скрывал это, очень боялся ее потерять. И именно поэтому она не смогла остаться в Америке с Эйнштейном, которого полюбила и который любил ее до конца своих дней. По крайней мере, я так размышляла над историей их отношений, когда полгода назад го-

Сын — мой главный защитник

товилась к съемкам. А что было на самом деле — никто никогда не узнает, ибо исторические персонажи навсегда останутся для нас закрытой книгой. Любовь, любовь — везде любовь.

В нашем фильме «Эйнштейн. Теория любви» мужа моей Маргариты играл изумительный актер Саша Балусев, подлинный, яркий. С такими артистами работать — одно наслаждение. И не меньшее наслаждение было находиться в кадре с Димой Певцовым, который блестяще сыграл Аль-

берта Эйнштейна. И с Димой, и с Сашей мы уже работали. С Сашей снимались в «Московской саге», где он играл брата моей героини. А с Димой сыграли супружескую пару в сериале «Земский доктор», это было коротко. И вот теперь у нас роли великих любовников. А Оля Дроздова, блестящая актриса «Современника», жена Димы, играет близкую подругу Маргариты. Какая волшебная супружеская пара, как живы их чувства, пронесенные сквозь годы! Мне иногда казалось, что

Дима, говоря в кадре слова любви мне, на самом деле думает об Оле. Но я никогда не ревновала, наоборот, наблюдала и восторгалась их отношениями.

Недавно мы смотрели рабочий материал фильма, готовясь к озвучанию, и случайно в комнату зашел Наум. Шла сцена, где Коненков жестко выясняет отношения с Маргаритой. И вдруг Наум говорит:

— Я голову ему оторву за такие вещи!

— Сынок, что ты такое говоришь, это же кино, ты разве

ку — с четырех. И просто так к нам прийти нельзя, надо предварительно отучиться два года на подготовительном отделении, — видя, как я расстроилась, дама смягчилась и предложила: — Поговорите с заведующим кафедрой духовых инструментов. Может, он возьмет вашего мальчика?

И тут, как по мановению волшебной палочки, в кабинет вошел Анатолий Борисович Мухамеджан, тот самый завкафедрой.

— Мы берем детей с семи лет, раньше нет смысла, легкие еще слабенькие, но вам надо сдать экзамен по сольфеджио.

Я упростила секретаря дать нам шанс выучить двухлетнюю программу по сольфед-

Я понимаю, что Науму нужен сильный, мудрый и заботящийся о нем мужчина. Как и мне. Но чтобы он появился, надо сначала влюбиться

не видишь? Мы играем, это все не по-настоящему, — уговариваю я сына сбавить обороты и выпроваживаю из комнаты.

Да, на сегодняшний день сын — главный мужчина и защитник в моей жизни, я горжусь им.

Помимо Британской школы он учится еще и в «Гнесинке». Так получилось, что свою нереализованную мечту стать музыкантом я два года назад предложила воплотить Науму. После детского сада, определив его в общеобразователь-

ную школу, решила найти для него и музыкальную. И так как сын выразил желание учиться играть на фортепиано, я направилась в «Гнесинку». Приехала туда, зашла к секретарю:

— Я сама в прошлом музыкант, хочу отдать сына в вашу школу.

— Прекрасно. Сколько лет ребенку? На какое отделение?

— Ему семь, хотелось бы на фортепиано.

— Мамочка, вы что, с ума сошли? Где вы были два года назад? На фортепиано принимают с пяти лет, на скрип-

жио за месяц, написала заявление о приеме и полетела домой.

— Сын, экзамен в музыкалку будет через месяц, и ты должен за это время пройти двухлетний курс по сольфеджио, иначе не поступишь.

— А что такое сольфеджио? — спрашивает вполне справедливо Наум.

— Вот это мы с тобой и будем выяснять уже с сегодняшнего дня. Не волнуйся, время поиграть и погулять останется, только четко следуй расписанию дня.

И я составила для него такое расписание, по которому он исправно занимался три раза в день по полчаса, а остальное время разнообразно развлекался, чтобы учеба была в радость. Через месяц приходим на экзамен, завожу Наума в класс, двери закрываются. Но вытерпеть неизвестность я же не могу и начинаю подглядывать в замочную скважину. Науму задали два вопроса и сказали, что с ним все понятно. Итак, мы поступили! Ура! И теперь мой сын уже второй год учится по классу флейты в «Гнесинке»!

Я понимаю, что Науму нужен рядом сильный, мудрый и заботящийся о нем мужчина. Как и мне. Но чтобы в нашей жизни он появился, мне надо сначала влюбиться. Както я попробовала жить с человеком, к которому не испытывала сильных чувств. Он ухаживал за мной два года, подружился с Наумом. «Не хочу тебя обманывать, — честно призналась я, — любви нет, но тебя любит мой ребенок. По-человечески ты мне нравишься, давай попробуем что-то построить вместе». Понадеялась: вдруг произойдет чудо?

Мы стали пробовать. Чуда не случилось. Не склеилось, не срослось, только себя разбередили. К счастью, остались друзьями. Это в теории в любви все возможно: и замуж выйти по обязательствам перед сыном, и извечное «стерпится — слюбится». А на практике все совсем иначе!

ФОТО: ЕКАТЕРИНА ГОРДЕЕВСКАЯ/7 ДНЕЙ, Е. ФЕДОТОВ/STAFFAGE